

В. С. Дякин. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (начало XX в.) // ВИ.1996. № 11-12.

Подавление царскими властями национальных движений в России XIX в. способствовало их радикализации. А усиление этих тенденций, наоборот, побуждало власти, в свою очередь, усиливать репрессивные действия. В результате национальный вопрос стал одним из дестабилизирующих факторов в Российской империи начала XX века. Если же говорить о Европе в целом, то ее многовековая история свидетельствует, что каждый сколько-нибудь крупный этнос стремился к собственному территориально-государственному оформлению. Возможны ситуации, когда часть народа, живущая за пределами своего этнического государства, по каким-либо причинам боялась поглощения этим государством. Тогда возникал феномен Швейцарии с ее кантонами, имеющими разные официальные языки. Но, как правило, начинаясь с движения за защиту и развитие собственной культуры, процесс национального самосознания приходит, независимо от искренности деклараций возглавляющих его социальных групп, к лозунгу территориальной автономии, а при обстоятельствах, благоприятствующих радикализации требований,— к идее полной независимости¹.

Принцип национально-культурной автономии, сохраняющей единство многонационального государства, на практике оказывается осуществимым там, где разные этносы не имеют районов компактного проживания и даже не могут сослаться на то, что имели их в прошлом. В этом смысле обеспокоенность царизма в связи с самыми первыми, мирными и ограниченными по целям, проявлениями национального самосознания народов России была обоснованной, ибо эти проявления потенциально угрожали сохранению империи. Но грубое подавление национальных движений давало обратный результат. К тому же поражение России в войне с Японией, разрушившее миф о военном могуществе царизма, а затем начало первой русской революции породили быстрый подъем национальных движений, охвативший практически все народы страны, как на западе, так и в Закавказье, Средней Азии и Сибири.

Общими требованиями были уравнивание народностей в правах, обучение на родном языке, свобода вероисповедания. Для значительной части народов чрезвычайно актуальным стал земельный вопрос, либо как защита своих земель от русской колонизации (народы Казахстана и Средней Азии, якуты, буряты и др.), либо как борьба крестьян за землю против помещиков, приобретающая национальный характер в Прибалтике или сочетавшаяся-

39

ся с национальными лозунгами в Грузии. В Финляндии и Польше пользовался широкой поддержкой лозунг территориальной автономии, за которым стояло стремление к полной государственной независимости. Значительное распространение этот лозунг имел в среде украинской интеллигенции и в определенных грузинских кругах. Рабочее социалистическое движение оказалось по отношению к автономистским лозунгам расколотым. Со своей стороны автономистские течения, часто далекие по реальному содержанию от социализма принимали социалистическую окраску, поскольку социал-демократия теоретически поддерживала право наций на самоопределение.

Наибольшего успеха добилось национальное движение в Финляндии. Всеобщая забастовка и угроза вооруженного восстания, когда там были созданы социал-демократическая Красная гвардия и ориентирующаяся на более правые круги военизированная организация «Войма» («Сила») в непосредственной близости от столицы империи, вынудили царизм пойти на уступки умеренному крылу финского национального движения и не только отменить манифест 3 февраля 1899 г. и все позднейшие акты бобриковского правления, но и создать в

Финляндии сейм, избираемый всеобщим голосованием. На выборах 1907 г. и (после разгона первого сейма) 1908 г. самой сильной фракцией в нем, набравшей примерно 40% голосов, оказались социал-демократы.

Значительно труднее было царизму пойти на уступки в российской части Польши. Во-первых, там речь шла не о сохранении автономии, как в Финляндии, а о ее восстановлении, что в корне противоречило общим принципам государственной политики. Во-вторых, акты, касающиеся Финляндии, имели строго локализованный характер, уступки же в Польше ставили вопрос о статусе поляков в Западном крае, где власть хотела продолжать курс на деполонизацию и русификацию. В-третьих, революционное движение в Польше было более тесно связано с общероссийским, так что проявление там слабости считалось особенно опасным прецедентом. Наряду с выступлениями польского рабочего класса, шедшими в русле общей борьбы против царизма, развертывалось движение крестьян, в котором вместе с аграрным вопросом отчетливо ставился и национальный: требование восстановить польский язык в местном управлении и сельской школе. Неприятие русификации средней школы вылилось в забастовку гимназистов, переросшую во всеобщий бойкот государственной школы. Выражавшая интересы буржуазных кругов партия народных демократов выдвигала лозунг автономии, а возглавляемое Ю. Пилсудским правое крыло Польской социалистической партии вступало даже за «польско-русскую войну» в союзе с Японией.

Весной 1905 г. Комитет министров еще надеялся отделаться некоторыми послаблениями в вопросе о языке. Было разрешено преподавать по-польски родной язык и Закон Божий католического вероисповедания и разговаривать по-польски на переменах. Обещано было рассмотреть вопрос о преподавании на польском языке некоторых других предметов и о введении в Варшавском университете чтения лекций по польской литературе на родном языке. Поскольку созданное в 1905 г. просветительное общество «Матица» занялось устройством неофициальных польских школ, в конце года министр просвещения граф И. И. Толстой предложил разрешить преподавание на польском языке в начальной и средней школе и даже, по выбору студентов, в высших учебных заведениях. Соглашаясь с тем, что попытки «обрусить польское юношество» привели лишь к обратным результатам и должны быть оставлены, генерал-губернатор Г. А. Скалой предлагал тем не менее не спешить со школьной реформой, дабы не создавать впечатления, что она вырвана революцией. В итоге реформа была отложена, и преподавание ряда предметов на польском языке было разрешено только в частных гимназиях.

Точно так же власть не пошла на отмену запрета полякам занимать большую часть должностей на государственной службе в Польше. И Скалон, и его предшественник заявляли, что правительство «еще не имеет

40

оснований питать к полякам такое же безграничное доверие, как к русским». ""В результате утвержденный Николаем II в июне 1905 г. журнал Комитета министров о пересмотре ограничений в правах поляков вновь включал в себя секретный пункт о списке должностей, которые «не могут быть замещаемы лицами польского происхождения»². Едва оправившись от вооруженных восстаний во внутренних губерниях, царизм усилил давление на окраинах. Закон 26 декабря 1905 г. значительно усилил контроль Варшавского генерал-губернатора над католической церковью, особенно в районах с бывшим униатским населением. Годом позже Министерство внутренних дел откровенно объясняло это тем, что «церковь уже с давних времен сделалась одним из орудий национально-политической... борьбы».

В основном были сохранены ограничения для поляков-католиков в Западном крае. Им было разрешено лишь покупать землю у самих поляков (явное признание

краха надежд на то, что владения польских помещиков будут постепенно скуплены русскими) и дозволена покупка небольших участков для промышленных целей. ^Важнейшими уступками явились восстановление выборов предводителей дворянства и введение польского и литовского языков в начальных школах. Но даже эти уступки вызвали возражения ряда членов Комитета министров, считавших, что они помешают выполнить поставленную в 1865 г. задачу «скорейшего и полного обрусения края». В борьбе против полонизма правящая бюрократия готова была временно поддержать «самосознание непольских народностей Западного края». В этом отношении показательны рассуждения ковенского губернатора, еще в 1896 г. писавшего, что для более успешного обрусения литовцев в будущем важно сейчас не допустить их ополячения. Эти рассуждения вызвали одобрительную помету Николая II.

В январе 1905 г. Министерство внутренних дел заявило о готовности способствовать развитию самосознания также украинцев и белорусов. Имелось в виду устранение препятствий для приобретения ими земли на родине. В этих целях Комитет министров весной 1905 г. отменил ^защѣт католикам-крестьянам покупать земли, в Западном крае, поскольку как выяснилось, он бил вовсе не по интересам поляков. Либерализм министерства не доходил, однако, до признания украинского и белорусского языков. С удовлетворением отмечая, что литовцы уже требуют кое-где богослужения в костелах на своем языке, оно сетовало, что усилия правительства по введению католической службы на русском языке не увенчались успехом «среди слабых национальным сознанием белорусов»³. От них по-прежнему требовалось осознавать себя русскими. А единственное гюслабление для Украины заключалось в том, что был снят запрет на печатание, каждый раз с благословения Синода, переводов Евангелия на украинский язык. В качестве причины послабления откровенно называлась бессмысленность запрета в условиях, когда украинские Евангелия широко распространяются из-за границы.

Решения Комитета министров, касавшиеся национального вопроса в Прибалтике, имели двойственный характер. С одной стороны, в вознаграждение проявленной «высшим и образованным классами» приверженности твердой законной власти, снова было разрешено открыть дворянскую немецкую гимназию в Риге и не препятствовать учреждению других частных заведений с немецким языком обучения. С другой — чтобы вновь не создавать исключительного положения для немецкой школы, в начальных училищах было восстановлено ликвидированное на практике в предыдущие десятилетия преподавание на латышском и эстонском языках.

Дважды на протяжении 1905—1906 гг. правящие круги возвращались к еврейскому вопросу. Весной 1905 г. Комитет министров отмечал, что с государственной точки зрения правильным было бы полное уравнивание евреев в правах с остальным населением империи. Но, учитывая «общественно-расовые стороны» дела (антисемитизм определенных кругов), Комитет министров ограничился предложением произвести подробную и всестороннюю разработку истории еврейского законодательства. Летом 1906 г. Департамент духовных дел иностранных исповеданий высказался против

41

уравнивания евреев в правах, а в Департаменте общих дел того же Министерства внутренних дел была подготовлена записка, доказывающая, что именно правительство своей политикой само обособило евреев от остального населения и теперь, когда евреям предоставлено право участвовать в выборах в Думу, «странным представляется ограничение их в меньших и элементарных правах гражданства: праве жительства, передвижения, просвещения и проч.». Совет министров, однако, зная ус-тойчивый^нтисемитизм Николая II, предусмотрел лишь

частичную отмену антиеврейского законодательства, с сохранением черты оседлости и процентной нормы при поступлении в учебные заведения, и сам же подсказал царю путь дальнейшего спуска дела на тормозах, предложив передать его на усмотрение Думы, в которой власти добивались создания правого большинства. Все же в январе 1906 г. Совет министров высказался в принципе за постепенную отмену процентной нормы для высшей школы, а в мае 1907 г. циркуляром Министерства внутренних дел было временно приостановлено выселение из внутренних губерний евреев, лишившихся права проживания там по законам 1890-х годов.

На решениях правящих кругов по мусульманскому вопросу сказались изменения в общественно-политических настроениях мусульманских народов. Еще в 1880—1890-е гг. началось движение за реформирование конфессиональной школы с переходом на более современные методы преподавания, в частности с арабского на татарский язык, и включением в нее светских предметов. Предусматривалось превращение конфессиональной школы, находившейся вне контроля государства, в общеобразовательную. Осознание мусульманами своей языковой и конфессиональной общности (пантюркизм и панисламизм) сочеталось с ростом интереса к русскому языку, вызванным увеличением торгово-промышленных связей с российским Центром и отбыванием воинской повинности. Движение сторонников пробуждения национального самосознания мусульманских народов через новометодные школы джадимистов встречало сопротивление консервативного духовенства, приверженного традиционной, чисто конфессиональной школе кадимистов, на которое и делало ставку правительство.

В августе 1905 г. джадимисты из Поволжья, Закавказья и Степного края создали Мусульманский союз, потребовавший уравнивания своих народов во всех политических, гражданских и религиозных правах. Состоявшийся в 1906 г. в Нижнем Новгороде съезд мусульман выдвинул план культурно-конфессиональной автономии. Согласно плану во главе мусульман страны ставился раис-уль-ислам с правом личного доклада царю. Во главе существовавших мусульманских духовных управлений и вновь создаваемого (для Туркестана и Семиречья) должны выбираться на пять лет шейх-уль-исламы и советы (меджлисы) из духовных и светских лиц. Мусульмане Семиречья добавляли к этому требование допустить в Государственную думу представителей от всех пяти основных народов области, а кавказские — создать в Тифлисе выборное представительство кавказских мусульманских народов пропорционально их численности. О желании иметь собственного муфтия заговорили казахи, причем Департамент полиции отмечал важность позиции казахов «для русской государственности на Востоке». В общемусульманском движении тон задавали волжские татары, а основная политическая направленность Мусульманского союза была близка к кадетской.

Весной 1905 г. Комитет министров уклонился от решения назревших проблем мусульманской политики, предпочтя дожидаться рекомендаций Особого совещания по веротерпимости, во главе которого был поставлен один из лидеров крайней реакции граф А. П. Игнатьев. Совещание сосредоточило главное внимание на опасности, исходившей якобы от стремления волжских татар «отатарить весь русско-мусульманский мир». Для борьбы с этой угрозой оно обсуждало вопрос, не окажется ли лучше раздробить Оренбургский муфтиат, заменив его несколькими не связанными между собой окружными правлениями. Говорилось также об опасности единого духовного управления для казахов, поскольку это «могло бы сблизить их в смысле национальном». Совещание не приняло каких-либо решений, посчитав это делом ведомств, но высказалось за преподавание в конфессиональных школах для башкир и казахов на родном языке, чтобы пресечь распространение там татарского

Тот же принцип — лучше уж родной язык, лишь бы не татарский — Министерство просвещения предложило распространить на русско-иностранческие школы, действовавшие по правилам 26 марта 1870 г. и не пользовавшиеся успехом у населения. Министерство считало целесообразным разрешить в первые два года обучения преподавание в начальных училищах на родном языке и комплектовать их не по религиозным, а по языковым отличиям, допустив совместное обучение крещеных и мусульман. Предусматривавшие такой порядок Правила 31 марта 1906 г. вводили контроль министерства и над конфессиональной школой, что вызвало сопротивление. Новые Правила о начальных училищах для иностранцев 1 ноября 1907 г. представляли собой максимум уступок, на которые пошел царизм в вопросе о языке обучения: они разрешали использовать родной язык как подсобный еще и после двух лет пребывания в школе, но при том, что русский язык оставался в ней главным предметом, имея 12 из 30 учебных часов в неделю.

Таким образом, и на западе, исключая Финляндию, и на востоке страны царизм пошел на незначительные уступки в вопросе о языке преподавания и на обещание пересмотреть в сторону либерализации вероисповедное законодательство. Соответствующие законопроекты были даже внесены в Думу, но, пролежав в ней без движения до 1912 г., взяты назад с объяснением, что в 1906 г. были подготовлены с излишней поспешностью.

Несколько более значительными были уступки, сделанные властью на Кавказе. Это объяснялось тем, что в 1905 г. был в Закавказье практически временем гражданской войны, которую требовалось остановить. Задача успокоения Кавказа была возложена на бывшего министра двора при Александре II графа И. И. Воронцова-Дашкова, принадлежавшего к числу сторонников более гибкой политики в национальном вопросе. Вообще в российской бюрократии всегда имелись люди, которые, полностью разделяя конечную цель национальной политики царизма — укрепление единой и неделимой империи, выступали против прямолинейного русификаторства. На рубеже XIX—XX вв. С. Ю. Витте, хотя и без особого успеха, доказывал, что «сближению инородческих племен с русской народностью» мешает «создание без крайних необходимостей каких бы то ни было новых поводов к недовольству»⁶. После революции 1905 г. из числа действующих, а еще больше отставных бюрократов и из ряда влиятельных журналистов сложилась группа сторонников имперской идеи, противопоставляемой «зоологическому национализму» оголтелых русификаторов. Существо имперской идеи заключалось в понимании необходимости сближения с вер-хами «культурных народов». Но проведение такого имперского курса в масштабах всей страны оказалось невозможным из-за преобладания в центральных органах управления приверженцев жесткой линии.

Воронцов-Дашков получил некоторую свободу действий, поскольку, посылая его на Кавказ в феврале 1905 г., царь восстановил там должность Наместника, наделенного значительной самостоятельностью от правительства в Петербурге. Наместник, естественно, принимал во внимание требования нереволюционных кругов Грузии, Армении и Азербайджана, которые были в общем сходны. В петиции кавказских мусульман, представленной в Комитет министров в начале 1905 г., говорилось о необходимости уравнивания в правах с остальным населением России, свободе образования и печати на родном языке, введении земского самоуправления, ликвидации остатков крепостной зависимости крестьянства, выборности духовенства и возвращении церковных имуществ (вакуфов). О введении земских органов, ликвидации остатков крепостного права, свободе родного языка, ликвидации ограничений в правах государственной службы на родине и восстановлении автокефалии грузинской церкви говорилось в одновременной петиции представителей грузинского народа. Эти же требования, но

с большим акцентом на церковные дела (выборность духовенства, возвращение церковных имуществ) и с развернутой форму-

43

лировкой общегражданской программы, содержались в петициях грузинского духовенства, включая записку его съезда 28—31 мая 1905 года. В обстановке роста крестьянских волнений грузинское духовенство пыталось перехватить лидерство в общенациональном движении. С марта 1905 г. начинает принимать организованные формы движение автокефалистов, возглавленное епископами всех четырех грузинских епархий.

Ближайшим требованием армянского движения было возвращение имущества армяно-грегорианской церкви. Летом 1906 г. быстро левевшая партия Дашнакцутюн на общearмянском съезде, созванном католикосом, выступила против духовенства, добиваясь передачи всех дел, касающихся церкви и школы, в руки выборных от населения и раздачи монастырских земель крестьянам, фактически ив Грузди., и, в Армении вопрос о независимости церкви был синонимом борьбы за национально-

культурную автономию. Грузинское дворянство возбудило вопрос и о территориальной автономии. Для армянского движения территориальная автономия была на этом этапе важнее в Турции, но в случае ее достижения такое же требование было бы выдвинуто и в России. Кроме того, национально-культурная автономия была важна для сохранения связи с армянской диаспорой во внутренних губерниях. В Азербайджане сначала сохранялась внешняя лояльность режиму. Но с 1906 г. некоторые политические группы стали прибегать к тактике террора. Там национальное движение было тесно связано с общемусульманским и добивалось создания особого представительного органа всех исламских народов Кавказа.

При сложном переплетении национальных и общереволюционных движений на Кавказе Воронцов-Дашков предложил царю проведение политики, которая, ославляя деятельность «крайних элементов и анархистов», делала бы ставку на «массу благомыслящего населения», отделяя «мирных националистов от революционеров-террористов». Директор канцелярии Наместника Н. Л. Петерсон, игравший видную роль в кавказской политике, писал о необходимости «взять из революционной программы все, что в ней имеется приемлемого, и этим обессилить революцию». Первым шагом Воронцова-Дашкова было получение согласия царя на отмену закона 1903 г. о конфискации имущества армянской церкви (он тропил с этим актом, чтобы не давать оснований для мнения, «что все реформы принимаются лишь под давлением беспорядков» ⁷) и на удаление ненавистного грузинам экзарха Алексия. Затем Воронцов-Дашков провел в Тифлисе совещание с участием представителей общественных и сословных учреждений, на котором высказался за введение в Закавказье земства и вскоре выступил против намерения петербургских властей не изменять Положение о выборах в государственную думу на Кавказе вплоть до его умиротворения, подчеркнув, что это вызовет лишь недовольство «благоразумных элементов». При этом, однако, он предлагал снизить квартирный избирательный ценз, чтобы дать право голоса большему числу русских чиновников.

В ряде ситуаций Воронцов-Дашков не ограничивался опорой на «благоразумные элементы». Так, в ноябре 1905 г. во время очередных армяно-азербайджанских столкновений в Баку он принял предложение рабочих социал-демократов, которые два дня удерживали эти столкновения, пока Воронцов-Дашков не подтянул войска. Надеясь этим успокоить развитие событий в Грузии, он назначил кутаисским губернатором известного агронома В. А. Старосельского, близкого к социал-демократам. Но его расчеты, связанные с этим назначением, оказались ошибочными ⁸. В то же время Воронцов-Дашков постоянно использовал

войска для подавления революционных выступлений и протестовал против уменьшения численности войск

В Закавказье, добиваясь увеличения там численности и полиции, и жандармерии. Главной целью карательных действий и мер по привлечению умеренных элементов был подрыв влияния партии Дашнакцутюн, которую Воронцов-Дашков считал «опаснее всех других организаций».

Подавив революционные выступления, он представил в 1907 г. всеподданнейшую записку с программой управления Кавказским краем, выделив

ТГ качестве основных направлений ликвидацию зависимости крестьян, пре-
44

доставление права собственности всем землевладельцам, форму местного управления и самоуправления, включая создание земских учреждений, раз-

__витие__ начального образования на родном языке, учреждение в Тифлисе университета или политехнического института и русскую колонизацию края. Его усилия по распространению в Закавказье земства и попытка создать за Кавказским хребтом хоть одно государственное высшее учебное заведение натолкнулись на противодействие столичной бюрократии. Лишь в небольшой мере, да и то с запозданием, ему удалось провести свою аграрную программу.

Освобождение крестьян от крепостной зависимости было проведено в Закавказье еще в 1864—1873 гг., но на условиях, более тяжелых для крестьян, чем во внутренних губерниях России. Правительство не взяло на себя выплату выкупных ссуд помещикам и потому не ввело обязательного выкупа наделных земель, предоставив его добровольному соглашению крестьян с бывшими собственниками. В результате, получив личную свободу, крестьяне продолжали отбывать денежные и натуральные повинности за землю. За время, прошедшее после освобождения, наделы крестьян умень-

__шлись__, а повинности увеличились. В еще более тяжелом положении оказалась категория хизан — наследственных крепостных арендаторов, которые после освобождения так и остались арендаторами, причем с удорожанием земли помещики старались превратить наследственную аренду в срочную и согнать хизан с их участков. Значительную часть хизан составляли осетины, переселившиеся с гор в ущелья Цхинвальского участка. Сохране-

__ние__ зависимых отношений делало аграрный вопрос в Закавказье особенно острым и было причиной массовых крестьянских выступлений в 1902—1907 годах. Поэтому в начале 1907 г. Воронцов-Дашков предложил царю срочно, еще до работы II Думы, издать указ о прекращении там зависимых отношений, «чтобы население Кавказа знало, что оно за полученное благо обязано только монарху, а не своим представителям».

Однако медлительность бюрократической машины привела к тому, что

закон об обязательном выкупе крестьянских повинностей был издан только 20 декабря 1912 года. Сопrotивление грузинских помещиков наделению "землей хизан вообще и хизан-осетин в частности помешало разрешению проблемы. Не получил законодательного решения и вопрос о земельном устройстве горцев Северного Кавказа, а также крестьян Азербайджана и Армении, живших на землях, которые казна считала своей собственностью. При обсуждении этого вопроса в Совете министров представитель Наместника напомнил, что при присоединении Кавказа его народам было обещано сохранить право собственности на находящиеся в их владении земли, причем горцы считают землю своей и совершают сделки купли-продажи. Но большинство министров отвергло ссылки на давние обещания, преследовавшие «главным образом политические цели», и утверждало, что, поскольку русские казенные крестьяне платили выкупные платежи, следует взыскать их и с горских народов, которые сравнительно недавно вошли в состав

населения империи.

__Воронцов-Дашков внес коррективы и в политику русской колонизации

Кавказа, *Он* Полностью "разделял основную ее цель— увеличение числен-

"но'сти русского крестьянского населения как опоры имперского влияния в крае и в этой связи настаивал на ускорении ирригации Муганской степи. Там он хотел расселить на зимних пастбищах местных скотоводов русских крестьян, которых собирался превратить в производителей хлопка. Русские поселения рассматривались им как надежный оплот в пограничной полосе, где предполагалось создать сплошную русскую провинцию. Точно так же Воронцов-Дашков считал необходимым создание русских поселков в полосе закавказских железных дорог, особенно при железнодорожных станциях. Но он постоянно подчеркивал, что при ограниченности площади свободных земель и при важности прочного заселения русскими выделяемых им участков Кавказ нельзя рассматривать как территорию, используемую для решения задач земельной реформы во внутренних губерниях России. Поэтому он настаивал на том, что для колонизации на Кавказе нужны крестьяне, уже

45

привыкшие к его сельскохозяйственным условиям, и считал наиболее подходящим контингентом кубанских и терских иногородних из казачьих районов Северного Кавказа. Кроме того он возражал против попыток Главного управления землеустройства рассматривать казенные земли Закавказья как фонд, предназначенный для русского переселения, подчеркивая, что это есть общий запас, а прежде всего — для удовлетворения нужд местного населения.

Политика^ Воронцова-Дашкова вызвала злобные нападки черносотен-ной реакции. Его обвиняли в препятствований Широкому притоку русских переселенцев, в покровительстве местному национализму вообще, армянам в особенности, в сочувствии революционерам. Все это вылилось в запрос черносотенцев 1908 г. в Думе и оскорбительные выпады против Воронцова-Дашкова и Петерсона. В большой мере за этим стояло недовольство старого кавказского чиновничества, чистку которого от наиболее одиозных элементов правые называли изгнанием оттуда лучших русских людей. Правые опирались на поддержку Департамента полиции, составившего в 1908 г. форменный донос на Наместника, который обвинялся в возмутительной податливости вредным влияниям и в подборе сотрудников, создавших удушливую и губительную для русского дела атмосферу. Суть разногласий с Воронцовым-Дашковым Департамент полиции видел в том, что Наместником «все делалось и делается только для успокоения, но отнюдь не подавления»*.

Эти нападки встречали явное сочувствие у П. А. Столыпина, пенявшего Наместнику на его «излишне оптимистическое» отношение к армянам. Суть дела заключалась, с одной стороны, в том, что Воронцов-Дашков сопротивлялся попыткам Петербурга умалить права католикоса и усилить вмешательство власти в его избрание, даже ценой разрыва турецких армян с центром армяно-грегорианской церкви в Эчмиадзине. С другой стороны, кавказские власти не скрывали своего отрицательного мнения о доказательствах сфабрикованности нашумевшего суда над партией Дашнакцутюн. Кроме того власти в Петербурге были вообще недовольны восстановлением Наместничества, ограничивавшего прямое вмешательство ведомств в управление Кавказом. Воронцов-Дашков в связи с этим жаловался царю на позицию «высшей петербургской администрации, считающей существование Наместничества явлением ненормальным, захватывающим компетенцию и право центрального управления». А своей дочери он писал о петербургских властях: «Дураки они, намаются с Кавказом, ежели я уйду»¹⁰. В 1910 и 1913 гг. он опубликовал свои доклады царю об управлении Кавказом, где выражал

уверенность, что край находится накануне прочного успокоения и что все национальные и конфессиональные проблемы могут быть направлены в спокойное русло, если только не ставить лишних преград, способных снова породить бурные волнения.

В то время, как на Кавказе Воронцов-Дашков пытался проводить политику сближения с умеренными элементами местного населения, в общеимперской политике все больше брали верх великодержавно-националистические тенденции. Вынужденный в 1905—1907 гг. пойти на уступки финскому национальному движению, царизм сразу же после поражения первой российской революции снова взял курс на ликвидацию финляндской автономии. Уже в октябре 1907 г. по докладу Столыпина было создано Особое совещание по делам Финляндии, занявшееся подготовкой соответствующих законопроектов. Вскоре был разогнан не устраивавший правительство своей левизной финляндский сейм, причем Столыпин предупредил, что, если сейм не подчинится роспуску, Петербург будет готов прибегнуть к военной силе. Поскольку и новый сейм сохранил почти прежнюю политическую окраску, царь в 1910 г. предложил поставить вопрос о пользе существования парламента в Финляндии вообще. Действия правительства поддерживались широкой кампанией правых в прессе и в Думе.

Когда в мае 1910 г. правооктябристские фракции в Думе внесли запросы о положении в Финляндии с утверждением, что ситуация там угрожает коренным государственным интересам России, Столыпин выступил в Думе

еще до его держав и ведущий в Думе направлен Согласно сие зако! ко в Думе могло не законодат основные и суд, шкс ки ничего этого зак< радостно] мы октяб] Россию ст Правь касающихся! бы возмоэ Но такая тельном в; вопросе б палаты бь отбывания в армию, вносить о закону пр пускники] на финлян мешению из центра, наступлеш центральш

еще до голосования о желательности принятия запросов, полностью поддержав их и провозгласив целью своей политики остановить процесс, ведущий «к почти полному обособлению этой страны». В срочном порядке в Думе было проведено обсуждение закона, определявшего дальнейшее направление общеимперского законодательства, касающегося Финляндии. Согласно этому закону, утвержденному царем 17 июня 1910 г., общеимперские законы, затрагивающие Финляндию, должны были приниматься только в Думе и Государственном совете, а мнение финляндских Сената и сейма могло не учитываться. Перечень вопросов, относимых к общеимперскому законодательству, включал все стороны внутренней жизни Финляндии: основные начала ее собственного государственного строя, охрану порядка и суд, школьное дело, законодательство о партиях и печати и пр. Фактически ничего не оставалось от финляндской автономии. Сразу по принятии этого закона Думой один из лидеров черной сотни В. М. Пуришкевич радостно воскликнул: «Конец Финляндии!». Бывший же председатель I Думы октябрист Н. А. Хомяков откликнулся: «Что мне Финляндия, мне за Россию стыдно!».

Правые очень хотели, чтобы инициатива внесения конкретных законов, касающихся Финляндии, была предоставлена именно Думе. Это дало бы возможность шовинистическим кругам оказывать давление на власть. Но такая перспектива тоже не устраивала правительство, и в окончательном варианте дальнейшая законодательная инициатива в финляндском вопросе была предоставлена царю. В 1910 г. через законодательные палаты были проведены два закона. Первый устанавливал, что, взамен отбывания финнами воинской службы (власти не хотели призывать финнов в армию, где и без того инородцы составляли 25% Финляндия обязана вносить определенную сумму в российский бюджет) согласно другому закону право в Д государственную службу в Финляндии получали выпускники всех учебных заведений империи, а не только

расположенных на финляндской территории. Это открывало дорогу к постепенному замещению финских чиновников — сторонников автономии обрусителями из центра. В сентябре 1914 г. царь одобрил программу дальнейшего наступления на Финляндию, предусматривавшую меры укрепления там "центральной государственной власти, включая ограничение полномочий финских чиновников и их права участвовать в деятельности политических партий. Речь, шла также о ликвидации таможенной границы между Финляндией и остальной империей. Дальнейшей разработке этих законов воспрепятствовала первая мировая война.

Если даже события 1905—1907 гг. не вынудили царизм отказаться от антипольской политики, то с 1907 г. она была резко усилена. Третьеиюнь-ский избирательный закон сократил польское представительство в Думе -С.ЛЗ & Q-14 депутатов, причем двое из них избирались особо, от русского населения. В декабре 1907 г. было закрыто общество «Матица», вслед за ним другие культурно-просветительные учреждения. Совещание 1911 г. о школе в местностях с инородческим и иноверческим населением выразило глубокую озабоченность в связи с тем, что не имеет возможности немедленно взять назад уступки в деле обучения на родном языке, и выразило надежду, что с введением всеобщего начального обучения отпадет необходимость «в частных начальных училищах с преподаванием на родном языке учащихся». В средних частных школах, особенно в Польше и Восточной Прибалтике, оно хотело вернуться к требованию допускать родной язык только в первые три года занятий. Частные католические конфессиональные школы в западных губерниях совещание предлагало вообще запретить.

В 1912 г. Министерство внутренних дел взяло назад законопроект 1907 г., допускавший открытие новых католических монастырей, ссылаясь на сведения об организации монастырями «недозволенного тайного обучения в духе воинствующего полонизма»¹². Даже там, где правительство готово было пойти на некоторые уступки, против них выступали крайне правые. В конце 1912 г. Государственный совет провалил законопроект

47

о Городовом положении в Польше, разрешавший гласным в заседаниях говорить по-польски. Антипольскую направленность имел и принятый в 1911 г. закон о земстве в западных губерниях. Отступая от принятого во внутренней России сословного принципа, закон вводил в крае национальные курии, ограничивавшие представительство поляков-помещиков в земском самоуправлении.

Возобновилось великодержавное давление в украинском вопросе. Если в 1906 г. Министерство просвещения согласилось на использование украин-скдш языка_а качестве подсобного —"«для разъяснения того, чего ученики не понимают», то в 1907 г. это согласие было взято назад, а в 1908 г. правительство отклонило законопроект, предложенный рядом членов Думы, о начальном обучении украинцев на родном языке. Совещание 1911 г. сделало упор на том, что, поскольку малороссов и белорусов нельзя причислить к инородцам, их обучение «должно вестись на русском языке»¹⁴. Во многих городах были закрыты возникшие в годы первой российской революции общества «Просвита». Преследовалась возникшая явочным порядком украинская печать. В феврале 1914г. Министерство внутренних дел выступило против празднования столетия со дня рождения Т. Г. Шевченко, а Синод «счел неудобным» участие в этих юбилейных торжествах православного духовенства.

Особенностью украинского вопроса являлось то, что против развития украинской культуры выступала часть либерального лагеря, обычно под-держивавшего народы России и в национально-культурных программах. Так, кадет П. Б. Струве считал, что украинская культура может быть только областной по отношению к русской, а деятельность средней и высшей школы на украинском

языке была бы «искусственной и ничем не оправдываемой растратой психических сил населения».

Одним из наиболее откровенных проявлений националистической политики царизма являлся антисемитизм. Антисемитская политика проводилась по трем направлениям. Несмотря на циркуляр Министерства внутренних дел 1907 г., возобновилось выселение в черту оседлости значительных групп евреев-ремесленников, лишенных права жить за ее пределами по законам конца XIX века, вводились более жесткие ограничения численности евреев в учебных заведениях. В августе 1908 г. Совет министров ужесточил процентную норму для высшей школы, установив ее в 3% для столиц, 5% для других городов вне черты оседлости и 10% — в черте. Годом позже были снижены нормы для средних учебных заведений, причем в черте оседлости доля допускаемых в гимназии евреев была установлена даже ниже, чем вне ее: 5% и 10%. В третьих, дальнейшим стеснением подверглась предпринимательская деятельность. В 1911 г. Столыпин предложил Министерству торговли и промышленности разработать меры по вытеснению евреев из хлебной торговли. Эта инспирированная черносотенцами идея была совершенно невыполнимой и грозила ущербом для русских производителей зерна.

В 1913—1914 гг. под предлогом наличия скупки земель акционерными обществами с еврейским капиталом были разработаны правила, ограничивавшие приобретение земли любыми акционерными предприятиями, евреям же было запрещено становиться управляющими недвижимым имуществом и директорами-распорядителями таких предприятий. Только бурный протест российских промышленников вынудил царя объявить 16 июля 1914 г. о временном прекращении действия этих правил. Но фактически они применялись и в дальнейшем. Наконец, в течение всего Третьеиюньского периода в стране нагнеталась антисемитская истерия. Кульминацией стал в 1913 г. пресловутый суд в Киеве над М. Бейлисом, обвиненным в ритуальном убийстве. Провал суда, организованного Министерством юстиции, знавшим действительных преступников, виновных в гибели русского мальчика, и оправдание Бейлиса судом присяжных оказались, по признанию Департамента полиции, «полицейской Цусимой, которую никогда не простят».

Все большее внимание уделялось в правящих кругах вопросу о панис-

48

ламизме и пантюркизме. Тут сказывались три фактора. Первым был рост либерально-просвещенческого джадимистского движения среди мусульманских народов. Численность новометодных конфессиональных школ росла. Несмотря на сопротивление консервативного духовенства, их стало поддерживать Оренбургское духовное собрание. Благодаря пожертвованиям богатых татар эти школы обеспечивались учебной литературой на татарском языке, а власти считали, что такие жертвования дают возможность создать особый орган управления мусульманскими школьными делами, как бы собственное Министерство просвещения. Представители джадимистского лагеря главенствовали в татарской и азербайджанской национальной печати, быстро развивавшейся после 1905 года. А после младотурецкой революции 1908 г. в Турции появились группы младобухарцев в Бухаре, младохивинцев в Хиве и младосартаков в Туркестане.

Во-вторых, росло недовольство населения Казахстана и Средней Азии колониальной политикой царизма в регионе, в частности конфискацией земли для русских переселенцев. Туркестанский генерал-губернатор П. И. Мищенко отметил в 1909 г. «крупнейший поворот» в настроениях местного населения, связанный с событиями как вне, так и внутри России (аграрная политика правительства). Возросла и панисламистская пропаганда¹⁴.

Наконец, констатировав религиозно-национальное движение среди мусульман, особенно в Приволжских губерниях, идущее вразрез «с интересами нашей государственности», правящие круги ответили созывом в 1910 г. Совещания о противодействии татаро-мусульманскому влиянию. Совещание сетовало, что, сосредоточившись на борьбе с революционным движением, власти не уделили своевременно внимания эволюции российского мусульманства, и признало на будущее одной из важнейших задач противодействие «искусственно создаваемой... религиозно-национальной сплоченности мусульманских народов России»¹⁵, после чего высказалось за усиление православной миссионерской деятельности и удержание мусульманских школ в строго конфессиональных рамках, чтобы привлечь лиц, стремящихся к светскому образованию, в государственные школы. Для ослабления влияния Оренбургского муфтиата предложено было проводить испытания кандидатов в муллы на родном, а не татарском языке, и не в Уфе, а в губернских комиссиях.

Специальными циркулярами Министерства внутренних дел предлагалось пресекать в корне влияние Турции как «культурно враждебного нам государства», не допускать к исполнению обязанности муллы людей, получивших образование за границей, особенно в Турции или Египте, а также в новометодных медресе самой России, причем последних — без удостоверения об их «непричастности к религиозно-племенной агитации». Видя главную опасность в пантатаризме, совещание готово было разрешить преподавание крещеным инородцам на родном языке. Но уже в 1911 г. Совещание по делам инородческой школы взяло курс на сокращение числа родных языков, на которых допускалось начальное обучение, поскольку оно «искусственно пробуждает национальное самосознание»¹⁶.

Очередное совещание по мусульманским делам было проведено весной 1914 года. Оно снова расценило как главную опасность не общие идеи панисламизма и пантюркизма, сочтя их утопическими, а пантатаризм — стремление создать общие для российских тюрок язык и культуру на основе волжско-татарских и преобладание татар среди мулл и учителей конфессиональных школ. Особую озабоченность властей вызывало то обстоятельство, что новометодные школы готовят «неблагонадежных» мулл, среди которых усиливаются противоправительственные настроения, а большинство татарских газет оппозиционно по своей направленности. Совещание отметило, что развивающийся в России процесс отражает путь эволюции ислама во всем мире: в нем усиливаются «прогрессивные течения с националистической окраской». Считая, что тяга к развитию собственной культуры ведет к обособлению от русской народности, совещание рекомендовало с осторожностью относиться к пожеланиям

49

прогрессивных мусульманских кругов насчет упрочения института муфтиев и коллегиальности духовного управления.

Часть членов совещания предложила для уничтожения преобладания татар и разобщения мусульманских народностей создать особые татарский, башкирский и киргизский муфтиаты. Большинство, однако, решило, что делать это не следует, дабы не способствовать упрочению самобытности конкретных народностей и не приблизить духовные управления мусульман к массам. Совещание предложило вообще не требовать от мулл знания русского языка, чтобы не побуждать мусульман к получению общего образования, поскольку именно с образованием у них «рушится их прежнее строго консервативное политическое направление». В страхе перед отдельной политической организацией мусульманских народов совещание высказалось против разрешения создать консервативный союз Сыратул-Муста-ким («Правый путь»), устав которого базировался на черносотенных образцах «Союза русского народа» и «Союза Михаила Архангела». Отказ мотивировался тем, что со

временем направленность этого объединения может измениться¹⁷.

Третьеиюньский избирательный закон полностью лишил представительства в Думе население Казахстана и Средней Азии. Послав в I и II Думы оппозиционных депутатов, оно с точки зрения властей проявило себя «недостаточно подготовленным для участия в законодательной работе государства». Центральным же вопросом национальной политики в Казахстане и Средней Азии стала после столыпинского закона 9 ноября 1906 г. о разрешении выходить из общины на хутора и отруба русская крестьянская колонизация. Имелись в виду два её аспекта: увеличение численности русского населения в регионах и смягчение за счет свободных земель края проблемы аграрной перенаселенности в Европейской России. Еще до начала столыпинской аграрной реформы военный министр А. Ф. Редигер подчеркивал, что русская колонизация всегда была одним из важнейших вопросов окраинной политики. И если бы не соображения «общего гуманитарного свойства», этот вопрос «был бы решен давно и просто».

Столыпинская реформа стала побудительным толчком к так называемым простым решениям проблем в казахских степях. Для отведения земли переселенцам в Степном крае провели повторное обследование казахского землепользования, при котором площадь выявленных земельных излишков резко увеличилась (например, в Кокчетавском уезде Акмолинской обл.— с 129 тыс. до 1766 тыс. десятин). Переселенческое управление, не стесняясь, признавалось, что участки для переселенцев образовывались в лучших частях уезда, в результате чего скотоводческое хозяйство казахов не могло там «надеяться на какое бы то ни было обеспечение его от полного исчезновения». Конфискация казахских земель проводилась под лозунгом перевода их с кочевого образа жизни на оседлый и сопровождалась рассуждениями о том, что при этом происходит как бы переориентация власти, опиравшейся ранее на родовую верхушку,— к опоре на казахскую бедноту, не имеющую скота и потому более готовую перейти к оседлому земледелию¹⁸.

Местная администрация, лучше представлявшая ситуацию, предупреждала, что массовая экспроприация земли приводит к разорению казахского населения и что сначала нужно осуществить прочное землеустройство казахов, которое только и выяснит наличие реальных излишков земли. Но совещание высших чинов Министерства внутренних дел в 1907 г. заявило, что если сначала землеустраивать казахов, то лучшие земли достанутся как раз им, что «обидно для русского крестьянина и не может быть оправдано»¹⁹. Речь велась только о землеустройстве казахов, переходящих к земледелию, и крупных оседлых скотоводческих хозяйств, что и показывало истинную цену разговорам о «ставке на бедноту». Традиционное же казахское скотоводство в основном оттеснялось на неудобные земли.

В 1911 г. Степной генерал-губернатор признал, что именно «интенсивное заселение киргизских степей крестьянами-переселенцами» и связанный с этим кризис хозяйства местных жителей являются причиной распростра-

50

нения среди них антиправительственных настроений и прямого их сопротивления, выражающегося, в частности, в угоне принадлежащего переселенцам скота в Китай. Его вывод: необходимо заселить пограничную полосу исключительно русскими и изгнать оттуда казахов в районы, непригодные для земледелия. Назвав действия этого генерал-губернатора «не строго законными», Столыпин, однако, считал, что на той «дальней и дикой окраине» вести себя иначе нельзя, так что «не нам мешать генерал-губернатору»²⁰.

Более сложно складывалась ситуация с переселением в Туркестан и Семиреченскую область, административно входившую в состав Туркестанского края, но управлявшуюся по «Степному положению». Благоприятное в климатическом и

почвенном отношении для русских крестьян Семиречье стало центром притяжения стихийных переселенцев и объектом особого интереса Переселенческого управления. Местное казахское и киргизское население испытывало нехватку поливных земель. Между тем под влиянием волнений стихийных переселенцев в 1905 г. вблизи г. Верный (Алма-Ата) Переселенческое управление начало передавать русским крестьянам обработанные и густо населенные земли. На этой почве возник конфликт между Военным министерством и Главным управлением землеустройства. Соглашаясь с необходимостью увеличить русское население в Семиречье, да и вообще в Туркестане, военное ведомство считало, что нельзя ради этого создавать «острый окраинный «киргизский» вопрос» и необходимо, временно закрыв край для переселения, минимально урегулировать сначала земельные права местного населения. Главное управление землеустройства назвало такую позицию «небрежением» нуждами русского народа и гибельной «для русского дела в Туркестане». Особой остроты достиг конфликт с назначением Туркестанским генерал-губернатором вышеупомянутого Мищенко, который разделял идеи Воронцова-Дашкова. Мищенко отмечал искусственное развитие переселения, приближающего «грозный призрак земельного голода в Туркестане» и рассматриваемого местным населением как насилие, редкое «даже во времена наиболее непопулярных ханов»²¹.

Результатом конфликта стало назначение ревизии края, возглавленной сенатором К. К. Паленом. Обвинив Переселенческое управление в погоне за внешним успехом, а местные туркестанские власти — в нежелании иметь дело с русскими крестьянами, способными оказать большее противодействие административному самоуправству, чем запуганное коренное население, Пален предложил свой план русской колонизации Семиречья, основанный на частном землевладении. Он тоже считал, что «при столкновении интересов русских и киргиз... предпочтение надо отдать русскому» населению, но выступал за более медленные темпы колонизации, обеспечивающие приток «сильных представителей русской народности», а не «отбросов сибирского переселения», и предупреждал, что продолжение прежней политики скоро окажется возможным «только под охраной военной силы». Насильственный характер ломки жизненного уклада коренного населения отмечал и новый военный министр В. А. Сухомлинов, сделавший из этого такой вывод: «Раз мы вступили на путь, который может потребовать применения силы, то необходимо, чтобы таковая была в наличности».

Благодаря поддержке Столыпина Главное управление землеустройства победило в конфликте с Мищенко. Сменивший его А. В. Самсонов высказался за увеличение колонизационного фонда для «устройства страдающего от земельной тесноты русского крестьянства» путем «изъятия из пользования» у кочевников «излишних земель». Но Совещание по преобразованию управления Туркестанским краем высказалось в мае 1911 г. против использования ценных земель для переселения по типу сибирского, повторив тезис Палена о привлечении «сильных представителей русской народности»²². Пренебрежение национальными и вероисповедными интересами местного населения, самоуправство административной власти и массовая конфискация земель в интересах колонизации превратили Казахстан и Среднюю Азию во взрывоопасный для царизма регион и подготовили почву для восстания 1916 года.

Первая мировая война вынудила царизм маневрировать в национальном

51

вопросе. Поскольку территории, населенные поляками и украинцами, сразу превратились в театр военных действий, верховный главнокомандующий вел. кн. Николай Николаевич выступил с заявлениями, которые можно было истолковать как обещания пересмотра прежней политики. Характерно, однако, что обещания

делались от имени лица, не ответственного за внутреннюю политику в стране. На Кавказе Воронцов-Дашков разрешил сформировать армянские добровольческие дружины для действий на Турецком фронте. Но царизм не собирался отказываться от ущемления прав нерусских народов империи. Когда в феврале 1916г. группа депутатов Думы внесла законодательное предположение об отмене вероисповедных и национальных ограничений, все министры высказались против такой отмены, и только либеральный министр просвещения граф П. Н. Игнатьев признал принципиальную необходимость пересмотра прежней политики, двусмысленно (хотя и справедливо по сути) заметив, что «разрешение вероисповедного и национального вопросов связано с результатами войны»²³.

Быстрая активизация после Февральской революции 1917г. национально-сепаратистских движений показала, что они давно вызревали в стране. Основная часть этого процесса протекала, однако, настолько подспудно, что ни существующая литература, ни архивные материалы не дают возможности осветить его. Можно все же констатировать, что потерпели неудачу *тл* официальн-охранительная, и «имперско-либеральная» линии в национальном вопросе. Крах первой продемонстрировало Среднеазиатское восстание 1916 г., поскольку там охранительная политика традиционно осуществлялась в наиболее открытом виде. Тщетность надежд на умиротворение национальных движений путем частичных уступок выявило возрождение влияния партии Дашнакцутюн в Армении, где участие вооруженных Россией дашнаков в войне против Турции рассматривалось ими лишь как первый шаг в борьбе за объединение всех армянских земель, включая находившиеся в Турции. Их автономия должна была стать этапом на пути к независимости.

Как свидетельствует история, при наличии определенной степени зрелости этносов, включенных в состав многонациональных империй, удержание их в одном государстве возможно только при помощи силы. Как только империя выказывает отсутствие такой силы, она разваливается. После первой мировой войны развалились потерпевшие военное поражение три империи: Россия, Австро-Венгрия, Османская Порты. По-видимому, не существует политики, которая вообще могла бы предотвратить развал таких империй, и может быть найдена лишь политика, которая амортизирует этот развал и делает его менее болезненным. Относительно мирным был возможен «развод» угнетенных народов России после Февраля 1917 года. В частности, экономическая специализация регионов в рамках единого народного хозяйства еще не была доведена до того абсурдного уровня, до которого она потом дошла за 73 года советской власти. Если исключить северные районы Казахстана, тогда еще не существовало столь значительного русского населения в рамках будущего СНГ, вне границ нынешней Российской Федерации. Используя сначала лозунг права наций на самоопределение (вплоть до их отделения) для подрыва царской империи, а затем силой создав на ее обломках свою империю, большевистская партия заложила под дальнейшее развитие страны ту мину, которая взорвалась уже в наши дни.

2. Россия
3. Там же, о
4. Там же, 4
5. Там же, 4
6. Там же, 4
7. Там же, 4
8. См. об эт
9. РГИА, ф.
10. Там же, 4
11. Государе!
12. РГИА, ф.
13. Там же, 4
14. Там же, 4

15. Там же, о
16. Там же, д
17. Там же, (£
18. Там же, см.: КУ31 киргизско Спб. 1908.
19. РГИА, ф.
20. Там же, ф
21. Там же, ф
22. Там же, д
23. Там же, о

Примечания

Статья извлечена из личного архива покойного доктора исторических наук В. С. Дякина. В подготовке ее к печати участвовал кандидат исторических наук И. В. Лукоянов (Санкт-Петербург). Первую ее часть см.: Вопросы истории, 1995, № 9.

1. Подробнее см.: КЕЧЕДЖИ-ШАПОВАЛОВ М. В. Политический строй Англии, Германии... и т. д. Спб. 1905, с. 20—23.